

В.Н. Козулин

ВАРВАРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОТВОРЧЕСТВА)

В широком спектре устойчивых образов тех или иных предметов или явлений особенно выделяются устойчивые образы чужих народов и стран. На протяжении всей человеческой истории эти образы влияли на взаимоотношения народов ничуть не меньше, чем сами являлись продуктом этих взаимоотношений. Уже в античной литературной традиции мы сталкиваемся с устойчивыми, *стереотипными* образами различных народов и регионов. Одним из наиболее устойчивых являлся образ северопричерноморского края и варваров, его населявших.

Говоря о Северном Причерноморье, мы в данном случае подразумеваем не одни лишь «прибрежные зоны» Черного моря и полуостров Крым, но и несколько более обширную территорию – примерно те самые земли, на которых в позднейшие времена существовало Древнерусское государство. Ведь и древние племена, о которых пойдет речь ниже, например, скифы (наиболее известный, особенно в древнегреческой традиции, народ Северного Причерноморья) обитали не только непосредственно в районе Черного моря, но и на Дону, Днепре и Дунае. Между прочим, эта окраинная территория Восточной Европы, лежащая за Доном, у древних авторов отделялась от остальной Европы и считалась уже Азией, в период Римской империи она называлась азиатской Сарматией.

Именно этот северо-восточный регион и населявшие его мнимые и реальные народы приобрели в античной традиции характер стереотипических образов, т.е. образов, неоднократно повторяющихся, очень популярных в литературе и фольклоре. Страна эта представлялась античным авторам чрезвычайно удаленной, полупустынной местностью, с очень холодным климатом, суровость которого сильно преувеличивалась. Однако в античной мифологии существовало и не менее устойчивое представление о Крайнем Севере, располагавшемся в самых недостижимых частях описанного региона, как, напротив, о баснословно богатых краях, обладавших на удивление мягким и

ласковым климатом. Эта страна чаще всего называлась Гипербореей.

Что касается античных образов жителей северопричерноморского региона, скифов и прочих варваров, то они так же, даже еще более антагонистичны. С одной стороны, все они представляются злобными и невежественными дикарями. А с другой стороны, не менее ярким в античной традиции был образ так называемых *благородных дикарей*. «Благородные дикари» считались «справедливейшими из смертных», живущими скромной, праведной жизнью, в гармонии с природой. И не только мифические или полумифические народы наделялись подобными чертами; эти черты подчас приписывались и реально существующим народам.


Как же сформировались в античной традиции эти противоречивые и вместе с тем одинаково устойчивые образы одного и того же региона и его обитателей?

Уже Д.П. Каллистов, известный отечественный историк, специалист по древностям Северного Причерноморья, в середине уходящего столетия выделил две отчетливые тенденции античной литературы по отношению к варварам вообще и северопричерноморским варварам в частности. С одной стороны, это идеализация варваров, не разращенных цивилизацией, с другой, – утрированное изображение их дикости и грубости, так называемая *идеализация со знаком минус* [1, с. 182]; (см. также [2, с. 138]). В дальнейшем это утверждение стало методологической основой работ, посвященных античной литературной традиции о варварах.

Первая – идеализаторская – тенденция в зарубежной, преимущественно англоязычной, научной литературе давно по праву считается частью так называемого *примитивизма*, или *примитивистских* идей, которые, по мнению исследователей, «имеют прочные корни в человеческой природе с тех самых пор, как только начался цивилизационный процесс» [3, с. 7]. Примитивистские идеи заключаются в идеализации первобытного («примитивного», англ. *primitive*) образа жизни. Причем эти идеи могут носить как временной, так и пространственный ха-

ракти: в первом случае создается образ идеального прошлого, а во втором – идеального настоящего чужих народов, до которых еще не дошло влияние развращенной цивилизации.

Примитивизм в отношении к варварским народам подразделяется на две разновидности – «мягкий» и «жесткий» примитивизм (soft and hard primitivism). «Мягкий» примитивизм характерен большей частью при описании мифических варварских племен, например, гиперборейцев. В данном случае идеализируемые народы наделяются неправдоподобными чертами, например, необычным долголетием и безболезненной смертью, их жизнь изображается абсолютно безмятежной и благополучной, природа сама дает им все необходимое для беззаботной жизни. Таким народам приписывается молочное и вегетарианское питание, они часто называются «справедливейшими из смертных» и т.п.

Самым популярным подобным народом в античной традиции были знаменитые *гиперборейцы* (от *υπερ*  *boreaj* – «за Борем»), т.е. «живущие по ту сторону северного ветра Борей», на Крайнем Севере. Миф о гиперборейцах имел очень древние, возможно, общешарийские корни [4, с. 151].

Кроме гиперборейцев в античной традиции нередко идеализируются другие легендарные или полуполулегендарные северные народы. Их имена впервые назвал в одной из своих поэм древнейший поэт Гомер, упомянувший про

...дивных мужей гиппемолгов,
Галактофагов и абиев, из смертных что
всех справедливей.
(II, XIII, 56)

Впоследствии древним авторам приходилось гадать о том, какие из слов в этом отрывке являются эпитетами, а какие – собственно этническими наименованиями. К примеру, слова «гиппемолги» и «галактофаги» вполне можно рассматривать в качестве эпитетов, определений народа, так как переводятся они, соответственно, как «доители кобылиц» и «млекоеды». То же самое касается и некоторых других слов этого отрывка в его оригинальном, древнегреческом варианте [5, с. 121-123].

Позднее, после так называемой Великой колонизации и ознакомления древних с ре-

альной этнической ситуацией в Северном Причерноморье, некоторые авторы стали отождествлять гомеровских «гиппемолгов» со скифами, например, поэт Гесиод и древнейший трагик Эсхил (fr. 55 Rzach и fr. 198 Nauk).

На идеализацию северных народов, помимо мифологических представлений, заметно влияли различные философские идеи. Уже для самых древних, орфических и пифагорейских учений (а позднее для киников и стоиков), была характерна сильная нравоучительная тенденция по отношению к современникам, пропаганда аскетического образа жизни и т.д. Так, например, одним из важнейших положений орфического (как и пифагорейского) учения был отказ от мясной пищи, а в лице гомеровских гиппемолгов – «доителей кобылиц» – и галактофагов – «млекоедов» – мы как раз видим зримое достижение этого идеала. Кроме того, именно в орфических учениях уже получила распространение столь популярная впоследствии в античности идея об «островах блаженных», куда отправляются после смерти души праведных для безмятежной вседозволенной жизни. В представлении орфиков эти острова «располагались», как правило, где-то далеко, в неведомых землях, и легенда о них, таким образом, как нельзя лучше согласовывалась с мифом о блаженных народах далекого севера.

С расширением межнациональных связей и в результате более тесного знакомства с реальными обитателями северопричерноморского края у древних авторов возникает понимание того, что настоящие варвары чрезвычайно грубы и дики и живут в суровых условиях. Про этих дикарей, конечно, нельзя было сказать того, что говорилось о мифических блаженных народах Севера. Однако идеализаторская традиция по отношению к народам Севера была к тому времени уже настолько популярной, что даже описания реальных дикарей отчасти подпали под ее влияние. Так возникает вторая разновидность примитивизма – так называемый *жесткий примитивизм*. «Жесткий» тип примитивизма характерен при описании реальных варварских племен, например, скифов и гетов, позднее германцев, которые, несмотря на идеализацию (особенно в морализирующем по отношению к современникам значении), характеризуются как грубые

«выносливые люди, к которым природа отнюдь не благосклонна, как к мифическим племенам «блаженных» [3, с. 10].

Становление традиции «жесткого» примитивизма связано с именем древнегреческого историка Эфора (IV в. до н.э.), несомненно, открывающего собой новый этап в идеализации варваров [6]. Сочинение Эфора «Всеобщая история Греции» (в 30-ти книгах), написанное около 340 г. до н.э., к сожалению, не сохранилось. Но его концепцию описания северных варваров, высказанную Эфором в IV книге своего труда, под названием «Европа», с достаточной ясностью передает Страбон (VII, 3, 9). Эфор прямо подчеркивает в своем сочинении, что его целью является указать современникам не на худшие качества дикарей, которые ему хорошо известны, а на их противоположность, т.е. идеализировать скифов ради наставления своих испортившихся в нравственном отношении современников.

Эфор выдвигает идею о том, что среди диких причерноморских варваров имеются отдельные племена, которые «питаются кумысом и превосходят всех справедливостью» (и которых, очевидно, и имеет в виду Гомер в «Илиаде», XIII, 1-7). К этим «справедливейшим» племенам принадлежал, по мнению Эфора, и знаменитый мудрец Анахарсис, которого впервые причислил к «семи мудрецам» именно Эфор, и которого греки впоследствии, под влиянием идей кинической философии, окончательно превратили в идеальный и морализующий образ. Так, в I в. до н.э. в Греции были созданы подложные «Письма Анахарсиса», в которых он сам и вообще все скифы преподносятся как философы и мудрецы, ведущие крайне скромный, неприхотливый образ жизни, в гармонии с природой. Предание о печальной участи Анахарсиса, якобы убитого скифами за сочувствие иноземным обычаям и за сношение с эллинами, а также предание об аналогичной судьбе скифского царя Скила содействовали созданию еще одного образа скифов – людей, свято чтущих свои отеческие обычаи и чуждающихся всего иноземного.

На укоренение подобного идеализированного образа дикарей в античной традиции повлияло дальнейшее развитие соответствующих философских идей. В Древней Греции критика пороков цивилизации (и,

следовательно, идеализация нецивилизованных народов) усиливается в эпоху ее кризиса после Пелопоннесской войны (431 - 404 г. до н.э.) Тогда-то, в IV в. до н.э., возникает философия киников (а чуть позднее – весьма близкая ей философия Стои), характеризовавшиеся отрицанием современной цивилизации, пропагандой аскетизма и мечтами об идеальном общественном устройстве.

Киники, основателем учения которых был Антисфен (ок. 444 - 336 гг. до н.э.), считали, что надо жить «подобно собаке», т.е. уметь довольствоваться малым, отрицательно относились к частной собственности и осуждали современную цивилизацию. Основатель же Стои Зенон из Китиона (ок. 335 - ок. 262 гг. до н.э.) разработал утопическое учение о всемирном государстве, в котором все равны: свободные и рабы, греки и варвары, богатые и бедные, мужчины и женщины. В этом государстве, по мнению Зенона и других стоиков, живут мудрецы, ведущие жизнь в соответствии с законами природы. Многие из этих положений оказались впоследствии перенесенными на северных варваров.

Лучше всего влияние утопических идей античности на идеализаторскую традицию в отношении варваров можно проследить на примере описания скифов у Помпея Трога – автора первой латинской всеобщей истории (*Historiae Philippicae, libri 44*). В вопросе об отношении к варварам этого автора можно считать аналогом Эфора для римской традиции. Скифы у Помпея Трога представлены живущими «коммунистической» жизнью, пребывающими в так называемом *натуральном состоянии права*, т.е. при таком укладе, где народ управляется собственным умом (и нравственностью), а не законами; их жизнь чрезвычайно проста и добродетельна (*Just., II, 1, 4*).

Главная причина идеализации варварства, на наш взгляд, несомненно, связана с общим стремлением идеализировать первобытность. Это стремление кроется в человеческой психологии, для которой, в общем, как отмечают некоторые исследователи, всегда в определенной мере характерны примитивистские идеи – стремление идеализировать первобытность. Действительно, примеры примитивизма, идеализации первобытного образа жизни и самих дикарей, мы можем

найти повсюду на протяжении человеческой истории – начиная с Библии и кончая, например, идеями Ж.-Ж. Руссо и некоторых других философов нового времени (ср.: [3, с. 7-11]).

Что же касается конкретных факторов, влиявших на становление и развитие в античной традиции идеализаторской тенденции по отношению к народам Северного Причерноморья (а отчасти и ко всем вообще отдаленным дикарям), то эти факторы можно видеть в следующем: 1) в мифологической традиции; 2) в самой варварской действительности, которая, очевидно, давала почву для разного рода преданий, содействовавших созданию определенного образа этих народов; 3) в перенесении на край ойкумены философских построений и идеалов; 4) в условиях глубокого и разностороннего кризиса цивилизации, который Древняя Греция переживала после Пелопоннесской войны (кризис полиса), а Древний Рим, в свою очередь, нечто подобное переживал в период гражданских войн (I в. до н.э.), когда и там как раз появляются идеализаторские описания варваров у Горация и даже Цезаря (в дальнейшем эта тенденция была наиболее развита в произведениях философа-стоика Сенеки и Корнелия Тацита) (ср.: [3, с. 362-367; 7, с. 480]).

Если идеализация дикарей могла возникнуть только в более или менее цивилизованном обществе, то противоположная ей тенденция античной литературы, заключающаяся, напротив, в сгущении негативных красок при описании варварских народов, по всей видимости, имеет еще более глубокие психологические корни. Неприятие всего чуждого, неизведанного и превращение образа чужого в образ врага было характерным для первобытного человеческого сознания. В исследованиях на эту тему отмечается, что на «ранних стадиях исторического развития ограниченные, этнически относительно однородные коллективы обычно воспринимают противостоящие им иные коллективы и все вообще лежащее за пределами освоенной территории пространство как нечто неизведанное, а потому опасное, как царство враждебных сил» [8, с. 108-109]. А кое-кто из исследователей, стремясь подчеркнуть пагубное влияние этих древних, первобытных инстинктов на сознание даже современного человека, склонен называть их «на-

следственным недугом» человечества, до сих пор мешающим мирному сосуществованию народов» [9, с. 12, 17].

Конечно, и древним грекам, и древним римлянам, особенно на ранних этапах их исторического развития, было свойственно такое первобытное восприятие чужих краев и народов. Негативная оценка малоизвестных северопричерноморских территорий, расположенных на краю ойкумены, встречается уже в «Одиссее» Гомера, где говорится о северных народах, обитающих у пределов Океана (киммерийцах) как о «жалких смертных», никогда не видящих солнца (Odys., XI, 12 - 19). В позднейшие времена эпитет «скифская пустыня» вошел в поговорку у древних как обозначение дикой и почти безлюдной, а также бесплодной местности.

В античной мифологии очень много сюжетов об опасностях, которые таят в себе отдаленные неведомые земли, о чудовищах, которые там якобы обитают (стоит только вспомнить в этой связи гомеровскую «Одиссею»!) Из северопричерноморских земель особый страх древним внушала Таврида (нынешний Крым), благодаря мифам о необычайной жестокости местных жителей (тавров), и приношении ими в жертву чужеземцев. Об этом повествуется в мифе об Ифигении (поэтически обработанном знаменитым трагиком Еврипидом), брат которой Орест (и его друг Пилад), да и она сама, как известно, будучи в Тавриде, подвергались опасности стать такой жертвой. Судя по другому мифу – мифу об аргонавтах, обычай приносить в жертву пристающих к берегу иностранцев установила в Тавриде злая Геката, дочь царя Таврики Перса (и племянница Ээта) и мать Кирки и Медеи.

Не только вышеупомянутые мифы, но и реальные свойства дикарей, на основе которых складывались уже известные нам предания о трагических судьбах скифского мудреца Анахарсиса и царя Скила, способствовали укоренению подобного негативного образа причерноморских варваров как людей жестоких и ненавидящих все иностранное. Ко временам географа Страбона стереотип «негостеприимных и жестоких по отношению к иностранцам варваров» уже окончательно закрепляется за скифами вообще, а не за отдельными причерноморски-

ми племенами вроде тавров, как было раньше (cf. Strabo, VII, 3, 7).

Кроме необыкновенной жестокости, негостеприимства варваров при непосредственном знакомстве с ними представителям цивилизации бросались в глаза также другие негативные их черты: грубость, невежественность, тупоумие. Эти черты тоже быстро стали стереотипными при описании северо-причерноморских дикарей. В таком духе описываются скифы-рабы (которых древние греки использовали на родине в качестве полицейских) в комедиях Аристофана (ок. 445 - ок. 386 гг. до н.э.) – «Лисистрате» и «Женщинах на празднике Фесмофорий». Помимо комического образа «скифов-дураков», который очень напоминает образ турок в европейской литературе позднего средневековья – начала нового времени, в этих комедиях живо отразилось в целом презрительное и насмешливое отношение к северным дикарям.

Наконец, одним из наиболее важных образов скифского варвара в древнегреческой литературной традиции, занимающим чуть ли не главное место в его негативном стереотипе, являлся образ неблагодарного скифа-пьяницы, напивающегося неразбавленного (в отличие от греков) вина и доводящего себя, таким образом, до буйства и безумия. В формировании этого стереотипа вновь, как и в некоторых других случаях, большую роль сыграли популярные со времен Геродота предания. В одном из них описывается поражение скифов в Азии, произошедшее, вероятно, на рубеже VII - VI вв. до н.э. Для того, чтобы расправиться с непобедимыми в бою скифами, мидийский царь Киаксар прибег к хитрости: он пригласил скифских предводителей на пир и перебил их, когда скифы – большие любители вина – сильно опьянели (Her., I, 106). В другом предании говорится о том, как скифы довели до безумия спартанского царя Клеомена (кон. VI в. до н.э.), тесно общавшегося, к своему несчастью, со скифскими посланцами, приучив его пить неразбавленное вино. С тех пор, когда спартиаты хотели выпить вина покрепче, они говорили: «Налей по-скифски (под-скифь)!» (Her., IV, 84).

Этот популярный в древнегреческой традиции образ скифов оказал влияние на отечественную поэзию нового времени, вдохновив Пушкина, а впоследствии и дру-

гого поэта – Л.А. Мея на вольный перевод стихотворения Анакреонта (точнее, его подражателя) («Что же сухо в чаше дно?...» или, вариант Мея, «Ну, друзья, не будем больше...»)

Интересно, что «алкогольный» компонент негативного образа скифов, весьма распространенный в древнегреческой литературной традиции, не был заимствован древнеримской традицией. Зато в остальном этот образ скифов и в целом причерноморских варваров достигает в древнеримской традиции своего полного развития, точно так же, как и образ Северопричерноморского региона, или Скифии (как его часто называли даже в римские времена). Эта территория еще в древнегреческой традиции стереотипически характеризовалась преувеличенно суровым климатом. Рассказывали, что снег и лед не тают в этих краях по два года подряд, что от небывалых морозов там лопаются на части медные сосуды и т.д. Подобным образом описывается скифская зима в произведениях известных римских поэтов Горация, Вергилия и Овидия (Cf. Horat. Carm., I, 17 - 22, II, 20, 13 - 16, IV, 5, 25; Verg. Georg., III, 197, 349 - 383, IV, 517 - 518; Ovid. Her., XII, 2, Met., VIII, 787 - 791, Tr., III, 10 etc.) Напомним, что последний из них, Овидий, сам находился в ссылке в скифских краях - в так называемой Малой Скифии, а именно в старой греческой колонии Томах (нынешняя Констанца). Но несмотря на возможность изобразить зиму в Томах, опираясь на личный опыт, Овидий в своих стихах периода ссылки заимствовал, вплоть до деталей, устрашающие описания скифской зимы у Вергилия (хотя Вергилий не был лично знаком с этой страной) (см.: [10, с. 87]).

Овидиевы оценки местных жителей, среди которых чаще всего упоминаются скифы и геты, столь же преувеличенно негативны. Нет такого нелестного, презрительного слова, которое бы не было применено поэтом по отношению к этим варварам. Они «грубые, дикие, жестокие, грязные, одетые в шкуры, постоянно готовые к нападению (infesti), ненадежно замиренные (male pacati)» и т.д.

Отношение Овидия к Северному Причерноморью и его обитателям отражало наиболее распространенный в те времена в образованном римском обществе их нега-

тивный образ, так как стихи этого поэта (имеются в виду, конечно, стихи, написанные в ссылке) были призваны пробудить чувство жалости у покинутых им друзей к своей горькой участи и настроить все римское общество в свою пользу. По мнению А.В. Подосинова – отечественного исследователя северопричерноморского логоса Овидия, поэт по мере сил и возможностей старался соотносить свое изображение Том с теми представлениями о «скифских» краях, которые к тому времени сложились у образованных римлян и уже успели стать стереотипными в римской ученой поэзии [10, с. 87].

Итак, негативный образ варваров Северного Причерноморья и самого этого региона был, как видим, в античной традиции отнюдь не менее распространенным, чем их позитивный образ. В отличие от последнего, отрицательный образ складывался не под влиянием не разных религиозно-философских течений, а в основном под влиянием реальной варварской действительности и формировавшихся на ее основе популярных исторических преданий, а также некоторых мифологических сюжетов. Но не исключено, что в основе негативной тенденции, точно так же, как в случае с позитивной тенденцией, лежит психологический момент – свойственная во все времена человеческому сознанию труднопреодолимая логика превращения образов чужого, неведомого в образ врага.

Нельзя не упомянуть, что кроме тенденциозных оценок варваров Северного Причерноморья в античной традиции встречаются, скорее как исключения, и попытки их достаточно реалистического описания, к которым, например, относят труд Геродота и

сочинение Псевдо-Гиппократ «О воздухе, водах и местностях» [11, с. 181]. Таким образом, в античной традиции пробивал себе дорогу формирующийся непредвзятый научный подход. Господствовавшими же были, безусловно, тенденциозные оценки варваров.

Античные образы северопричерноморских варваров и их региона, сложившиеся в основном в древнегреческой традиции еще в IV в. до н.э., оказались на удивление долговечными. Их отголоски можно проследить в дальнейшей литературной традиции по крайней мере вплоть до отечественной поэзии нового времени (вспомним хотя бы стихотворения Пушкина и Блока, в которых упоминаются скифы). Многие авторы эпохи средневековья и нового времени отождествляли новые народы Северного Причерноморья, в том числе татар и русских, со скифами – древними жителями тех мест. И, что более всего интересно, применительно к этим новым народам и их стране в средневековой традиции так или иначе употреблялись некоторые античные литературные тенденции и стереотипы в отношении древнего Северного Причерноморья. Это легко можно проследить в сочинениях таких средневековых и новых авторов, как Михалон Литвин, Матвей Меховский, Джильс Флетчер, английский поэт Джордж Турбервилль и многие другие.

Таким образом, на примере античной традиции о варварах Северного Причерноморья мы можем констатировать значительную роль традиционного, выработанного литературной традицией, элемента в формировании образа того или иного народа и территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каллистов Д.П. Интерпретация северопричерноморских варваров в античной литературной традиции // Исторические записки. 1945. № 16.

2. Широкова Н.С. Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис. Вып. V. Л., 1979.

3. Lovejoy A.O., Boas G. Primitivism and related ideas in antiquity. Baltimore, 1935.

4. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983.

5. Куклина И.В. 'Abioi в античной литературной традиции // ВДИ. 1969. № 3.

6. Тахтаджян С.А. Идеализация скифов: Эфор и предшествующая ему традиция // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986.

7. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.

8. Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцова. Т. II. М., 1985.

9. Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994.

10. Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М., 1984.

11. Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

